

Злись на меня медленно

Надежда Чародейская

Надежда Чародейская
Злись на меня медленно

«Автор»

2026

Чародейская Н.

Злись на меня медленно / Н. Чародейская — «Автор», 2026

Она — архитектор, который сажает деревья там, где их быть не должно. Он — нейрохирург, который устал спасать жизни и разучился улыбаться. Их первая встреча — катастрофа: Кирилл наступает на макет Анны, и три недели работы летят под откос. Их вторая — война у кофейного автомата. Он называет её проекты «украшением смерти». Она обещает превратить больничный двор в живой сад — назло системе и главврачу, которая ненавидит цветы. Никто не верит, что у них что-то получится. Но однажды в три часа ночи Кирилл теряет пациента. Садится на скамейку в пустом дворе и ломается. А Анна просто садится рядом. Молча. Накрывает его своей курткой. С этого момента их история перестаёт быть просто романом. Это история о том, как два человека, которые разучились верить, учатся дышать заново. Как сорняки пробивают асфальт. Как любовь не лечит — она даёт силы лечить себя самому. «Злись на меня медленно» — роман для тех, кто знает: настоящее чувство не бывает идеальным. Оно бывает живым.

© Чародейская Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Та, которая сажает деревья там, где их быть не должно	5
Глава 2. Кофе, который не спасает, но греет	13
Глава 3. Три часа ночи. Двор, где ничего не растёт	19
Глава 4. Система не любит, когда её чинят	26
Глава 5. Яблоня, которая не должна была выжить	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Злись на меня медленно

Глава 1. Та, которая сажает деревья там, где их быть не должно

Аня не любила октябрь.

Не за дожди — они были привычны. Не за холод — она куталась в старый шерстяной свитер, который пах домом и немного — бабушкой. Она не любила октябрь за то, что в этом месяце деревья сбрасывают листья, обнажая свои скелеты, и становится видно, как много в мире пустоты. Серая листва устилает асфальт, ветер гоняет её по углам, и каждый раз, глядя на обнажённые ветви, Аня чувствует: всё живое когда-нибудь умирает. И ничего с этим не поделать.

Но сегодня у неё была цель.

Она стояла во внутреннем дворе госпиталя имени Пирогова, держа в руках макет, который создавала три недели. Три недели бессонных ночей, когда она сидела за столом и пересчитывала миллиметры, чтобы идеально вписать скамейку в этот негостеприимный угол. Три недели, когда она отказывалась от ужинов с подругами, от прогулок с Шпротом, от сна, потому что каждая деталь должна была быть идеальной.

— Анна Сергеевна, вы уверены, что это сработает? — спросила её ассистентка Катя, девушка-практикантка с вечно испуганными глазами. Она стояла в двух шагах с блокнотом и переминалась с ноги на ногу, явно боясь, что сейчас что-то пойдёт не так. — Галина Борисовна говорила, что ей нужен газон и три куста.

— Галина Борисовна — главврач, — спокойно ответила Аня, не поднимая глаз. Она поправляла крошечный кустик на макете, приклеивая его к основанию. — А я — архитектор. Я знаю, что здесь нужно.

— И что же?

— Жизнь. — Аня выпрямилась и посмотрела на Катю. — Не газон, а жизнь.

Она провела рукой по макету. Маленькие деревья — карликовые яблони, специально подобранные для северного климата. Кустарники с разноцветными листьями — они будут менять цвет осенью и весной, чтобы радовать глаз в любое время года. Дорожки из светлого камня, которые не скользят в дождь и не раскаляются летом. Скамейки с подлокотниками — удобные для пожилых и для родителей с детьми. И главное — центр композиции: круглая клумба с цветами, которые не требуют много света. Цветы, которые будут жить.

— Красиво, — сказала Катя. Её голос дрогнул. — Очень красиво. Но Галина Борисовна...

— Я поговорю с Галиной Борисовной.

— Вы не боитесь?

— Боюсь. — Аня улыбнулась уголками губ. — Но если я буду бояться, здесь так и останется серость. А серость убивает. Я не хочу быть архитектором, который строит кладбища.

Она подняла голову. Окна госпиталя смотрели на неё сотнями глаз — больничные палаты, кабинеты, коридоры. За каждым окном кто-то был: пациент, который смотрит в потолок; врач, который подписывает рецепты; санитарка, которая вытирает пол. В одном из окон, на третьем этаже, она увидела чей-то силуэт. Женщина в белом халате смотрела вниз. Галина Борисовна.

Она стояла неподвижно, сложив руки на груди, и наблюдала за Аней. Её лицо не выражало ничего — ни одобрения, ни неодобрения. Только холодное любопытство.

— Она смотрит, — прошептала Катя.

— Пусть смотрит, — ответила Аня. — Я здесь для того, чтобы сажать деревья там, где их быть не должно.

Катя нервно хмыкнула и принялась записывать что-то в блокнот.

Аня не заметила, как он подошёл.

Она стояла на коленях, поправляя ветки, которые чуть сдвинулись, когда она переставляла макет. Сосредоточенная, мокрые пряди волос прилипли ко лбу, пальцы были перепачканы клеем и землёй. Она чувствовала себя маленьким богом, создающим свой мир из бумаги, веток и чужой надежды.

— Извините, — раздался голос. Глухой, низкий, усталый. — Я не заметил.

Она подняла глаза.

Мужчина стоял в двух шагах от её макета. Высокий, с тёмными волосами, небрежно зачёсанными назад. На нём была серая толстовка с выцветшим логотипом больницы — видно, что старая и любимая. Его лицо было осунувшимся, под глазами — фиолетовые круги, которые говорили о том, что он не спал несколько ночей подряд. И глаза — странные. Бледно-серые, почти стальные. Пустые. Но не до конца. Как будто внутри них тлела маленькая лампочка, которая вот-вот погаснет.

Но она не успела задуматься об этом. Потому что её взгляд опустился ниже.

На макет. На его ногу.

Его ботинок — чёрный, кожаный, дорогой, с острым носком — стоял ровно посередине её планшета. Того самого планшета, который она держала в руках, как младенца. Того самого, на котором она выверяла каждую линию, каждый угол, каждый миллиметр.

Она услышала треск.

Сначала тонкий, почти незаметный — как будто что-то сломалось внутри. А потом — громкий, резкий, как звук разбитого стекла.

Макет хрустнул. Ветки, которые она клеила до двух ночи, разлетелись в разные стороны. Капли клея — те самые, что застыли на её пальцах — брызнули на асфальт. Скамейка, которую она так аккуратно собирала, развалилась на три части.

Аня смотрела на это, и внутри неё что-то оборвалось. Не макет. Что-то более хрупкое. Надежда. Её хрупкая, нежная надежда на то, что этот двор может стать другим.

— Вы... — начала она, и голос дрогнул. — Вы только что... это... три недели...

Она замолчала, потому что слова не имели смысла.

Мужчина стоял неподвижно. Его лицо не выражало ничего — ни сожаления, ни гнева. Только пустота. Словно он смотрел на сломанный макет, как на что-то незначительное.

— Я не заметил, — повторил он. — Извините.

— «Извините»? — Аня встала на ноги, отряхивая колени. Земля прилипла к джинсам, и она чувствовала, как холод от асфальта поднимается к костям. — Три недели. Три недели моей жизни. И вы говорите «извините»?

— Я был на дежурстве. — Его голос был ровным, без интонаций. — Не спал два дня. Я не смотрел под ноги.

— И на людей тоже, — сказала она, забирая из его рук искорёженную скамейку. — Вы вообще смотрите на людей? Или вы только на черепа смотрите?

Она сама не знала, зачем это говорит. Но слова летели, как сорванные листья.

Мужчина молчал. Потом наклонился и начал собирать ветки. Медленно, аккуратно, как будто это были не сухие палки, а что-то более хрупкое.

— Оставьте, — сказала Аня. — Вы всё равно не сможете починить.

— Я почию.

— Вы даже не знаете, из какого они материала.

— Я нейрохирург, — сказал он, выпрямляясь. Его рука сжимала ту самую миниатюрную скамейку. — Я шью человеческие нервы толщиной с нитку. Со скамейкой справлюсь.

Аня замерла.

Она посмотрела на него по-другому. На его руки — широкие, с длинными пальцами. Хирургические руки. Аккуратные. Но не изнеженные — сильные. На его глаза — уставшие, но с той маленькой лампочкой внутри.

— Вы нейрохирург, — повторила она.

— Кирилл. — Он протянул руку. — Кирилл Андреевич.

Она не пожала её. Смотрела на его ладонь и чувствовала, как внутри неё поднимается волна чего-то тёплого. Или это просто гнев утихал?

— Аня, — сказала она наконец. — Анна Сергеевна. Но можно просто Аня.

— Аня, — повторил он. Словно пробовал имя на вкус. — Хорошее имя.

— Вы всегда разбиваете чужие макеты и знакомитесь?

— Нет. — Он почти улыбнулся. — Обычно я спасаю жизни. А сегодня — разбил чужую мечту.

Она хотела ответить колкостью. Но не успела.

— Анна Сергеевна! — раздался голос Кати. — Галина Борисовна вас ждёт!

Катя стояла у дверей госпиталя, испуганно глядя на них. Её блокнот выпал из рук.

Аня вздохнула.

— Я должна идти, — сказала она Кириллу. — А вы...

— Я почию, — повторил он. — Я обещаю.

— Вы никому ничего не обещали.

— Вам обещаю.

Он развернулся и ушёл — не оглядываясь, с той небрежной походкой, которая говорила о том, что ему всё равно. Или о том, что он просто слишком устал, чтобы притворяться.

Аня осталась стоять с искорёженным макетом в руках.

— Я убью его, — сказала она Кате.

— Он починит, — робко сказала Катя.

— Он нейрохирург. Он привык оперировать головы, а не чинить скамейки.

Но Аня почему-то не была уверена в этом.

Она смотрела, как он идёт по коридору. Серая толстовка. Небрежная походка. Руки в карманах.

«Почему мне кажется, что мы ещё встретимся?» — спросила она себя.

И не нашла ответа.

Тендер.

Аня стояла перед дверью кабинета Галины Борисовны и чувствовала, как пот стекает по спине. Она нервничала — это было заметно по её рукам, которые слегка дрожали. Она сунула их в карманы пальто, но это не помогло.

— Входите, — раздался голос из-за двери.

Она вошла.

Кабинет Галины Борисовны был стерильным, как операционная. Белые стены, белая мебель, белые занавески. Никаких личных вещей — ни фотографий, ни статуэток, ни цветов. Только дипломы на стенах и табличка «Главный врач» на столе. Женщина, которая не ошибалась. Женщина, которая не прощала. Женщина, которая прятала свою человечность за белым халатом.

— Анна Сергеевна, — сказала Галина Борисовна, не поднимая головы. — Садитесь.

Аня села. На столе лежал её проект — те самые чертежи, над которыми она работала три недели. Галина Борисовна просматривала их, перелистывая страницы с каким-то механическим спокойствием.

— Я просмотрела ваш проект, — сказала она. — И мне он не нравится.

Аня замерла. Её сердце ухнуло в пятки.

— Почему? — вырвалось у неё.

— Потому что он живой. — Галина Борисовна подняла глаза. — Я не хочу жизни в этом дворе. Я хочу стерильности. Газон, три куста, скамейка. Без характера. Без ярких красок.

— Но... — Аня попыталась возразить. — Это место может быть местом силы. Для пациентов. Для врачей. Чтобы было за что зацепиться глазами.

— Я знаю, что такое место силы, — сухо сказала Галина Борисовна. — Я главврач. Но у меня есть санитарные нормы, бюджеты и инспекции. Вы приносите мне проект, который невозможно реализовать в этом дворе. Там нет света, там сырость, там плесень на стенах.

— Я рассчитала всё. — Аня чувствовала, как голос начинает дрожать. — Дренаж, освещение, даже ветер. Я провела три недели...

— Я видела, сколько вы провели, — перебила Галина Борисовна. — И видела, сколько вы не спите. Вы хороший архитектор. Но вы не понимаете больницу.

— А вы не понимаете, что такое надежда, — тихо сказала Аня.

Тишина.

Галина Борисовна смотрела на неё. Её глаза, стальные и холодные, вдруг дрогнули. Только на мгновение. Но Аня заметила.

— Моя бабушка лежала в такой же больнице три года назад, — сказала Аня. — Она умерла. Но единственное, что она хотела — выглянуть в окно и увидеть не серую стену, а зелёный куст. Чтобы было за что зацепиться глазами, пока сердце решает, биться ему или нет.

В кабинете повисла тишина. Катя, стоявшая у дверей, затаила дыхание.

— Ваша бабушка, — сказала Галина Борисовна наконец, — была хорошим человеком. Но я здесь решаю судьбы живых. И я не могу позволить себе роскошь — сажать деревья там, где их быть не должно.

— Я умею сажать там, где их быть не должно, — сказала Аня. — Это моя работа. Моя жизнь. Моя надежда.

— Проект закрыт, — сказала Галина Борисовна. — Вы свободны.

Аня встала. Её ноги дрожали. Но она не собиралась сдаваться. Она подошла к двери, остановилась и обернулась.

— Вы ошибаетесь, — сказала она. — Ваша больница может быть лучше. Но вы боитесь. Вы боитесь жизни. Вы боитесь, что если впустите её — потеряете контроль. Но контроль — это не жизнь. Это смерть в белом халате.

Она вышла. Дверь за ней закрылась.

Коридор был пуст. Серая плитка, дешёвый кафель, запах хлорки и лекарств. Всё то же, что было в больнице её бабушки. Всё та же безнадежность.

Аня прислонилась спиной к стене. Закрыла глаза. Она чувствовала, как внутри неё что-то разрывается — надежда, вера, желание изменить этот мир. Всё, что она любила, все её проекты, все её идеи — они разбивались о стену безразличия, как волны о скалы.

«Что я здесь делаю? — спросила она себя. — Зачем я пришла в эту больницу? Зачем я тратила три недели? Зачем я вообще занимаюсь тем, что никто не ценит?»

— Держите.

Она открыла глаза.

Перед ней стоял он. Нейрохирург с усталыми глазами и небрежной походкой. Он держал пластиковый стаканчик с кофе из автомата.

— Это отравление, а не кофе, — сказала Аня, но стакан взяла. Её пальцы коснулись его — и ей показалось, что воздух между ними нагрелся.

— В этой больнице выбора нет, — сказал Кирилл. — Либо это, либо капельница с физраствором.

Он сел на подоконник напротив неё — без разрешения, как будто они были знакомы сто лет. Его рука легла на колено, и Аня заметила, как он устало опустил плечи.

— Вы следили за мной? — спросила она.

— Нет. Я видел, как вы выходили из кабинета. У вас был такой вид... — он замолчал на мгновение. — Как будто что-то оборвалось внутри.

— Потому что оборвалось, — сказала Аня. Она поднесла стаканчик к губам и сделала глоток. Кофе действительно был отвратительным — горьким, с кислинкой и привкусом картона. Но он грел. И это было важно. — Три недели работы в мусорку. Галина Борисовна... она не хочет жить.

— Она боится, — поправил Кирилл. — Она боится, что если впустит жизнь — потеряет контроль. А контроль — это всё, что у неё есть. У неё мать лежит в кардиологии, она тоже боится. Все они здесь боятся. Просто одни прячут это за халатами, другие — за цинизмом.

— Вы всегда такой... циничный? — спросила Аня, делая ещё один глоток.

— Я нейрохирург, — сказал он. — Мы не циничные. Мы просто уставшие.

Она улыбнулась. Впервые за этот день.

— Знаете, — сказала она, — когда я увидела вас сегодня, я подумала: «Этот человек не улыбается никогда».

— А вы улыбаетесь всем.

— Это моя профессия. Я архитектор. Мы улыбаемся деревьям.

Кирилл улыбнулся. Не краем губ — по-настоящему. Криво, неловко, как будто разучился. Его глаза на секунду потеплели, и маленькая лампочка внутри них загорелась чуть ярче.

— Вы улыбнулись, — сказала Аня.

— Не привыкайте.

— Слишком поздно.

Она отпила ещё немного кофе. И вдруг поняла, что почему-то стало легче. Как будто этот незнакомый человек с уставшими глазами и циничным голосом сделал что-то важное — не сказал ей, что всё будет хорошо, а просто был рядом.

Она пришла домой в восьмом часу вечера. Уставшая, продрогшая, с искорёженным макияжем в сумке.

Шпрот встретил её у дверей — сидел на коврикe с таким видом, будто ждал её весь день.

— Привет, Шпротик, — сказала Аня, снимая пальто. — Я сегодня провалила тендер. И какой-то нейрохирург наступил на мой макет.

Шпрот моргнул. Его жёлтые глаза смотрели на неё с пониманием.

— Он сказал, что починит, — добавила Аня, проходя на кухню. — Скамеечку. Маленькую. Но макет уже не нужен. Галина Борисовна зарубила проект.

Шпрот фыркнул. Он явно не одобрял Галину Борисовну.

Аня села на пол, прислонившись спиной к холодильнику. Шпрот подошёл и улёгся у неё на коленях. Она гладила его, и постепенно напряжение уходило.

— Он странный, — сказала она коту. — Этот нейрохирург. Сказал, что я не умею сдаваться. Откуда он знает? Мы даже не знакомы.

Шпрот не ответил. Он просто мурчал, и его мурчание было теплее, чем слова.

Аня достала из сумки сломанную скамейку. Маленькую, деревянную, склеенную — она уже начала рассыпаться. Но в том, как аккуратно он её держал, было что-то большее, чем просто желание исправить свою ошибку.

— Может быть, я всё-таки приду завтра, — сказала она тихо.

Шпрот вздохнул. «Ты влюбилась», — говорил его взгляд.

— Нет, — сказала Аня. — Я не влюбилась. Я просто пью утренний яд.

Но она знала, что врёт.

Глава 2. Кофе, который не спасает, но греет

Аня не знала, зачем она пришла на следующий день.

Но она пришла.

В семь утра. В тот же коридор. К тому же автомату с кофе. Она стояла в нескольких шагах, сжимая в руках монетку, и чувствовала себя подростком, который боится подойти к объекту своей тайной симпатии.

— Я знал, что вы придёте, — раздался голос.

Она обернулась. Кирилл сидел на подоконнике, на том же месте, что и вчера, и пил отвратительный кофе из пластикового стаканчика. Он не обернулся, но она видела, как его плечи слегка расслабились, когда он услышал её шаги.

— С чего вы взяли? — спросила она, подходя ближе.

— Потому что вы не умеете сдаваться, — сказал он, поворачивая голову. — Иначе не стали бы архитектором. Архитекторы — они как сорняки. Пробиваются сквозь асфальт, даже когда их не ждут.

Она села на подоконник рядом с ним. Почти касаясь плечом. Достала монетку и вставила в автомат. Кофе полился в стаканчик — с тем же мерзким запахом жжёных зёрен и молока.

— Вы правы, — сказала она, делая глоток. — Я не умею сдаваться. Это моя проблема. Я могу биться головой о стену годами.

— А может, это не проблема, — сказал он. — Может, это ваша сила.

— Вы всегда говорите такие философские вещи по утрам?

— Нет. Обычно я говорю «откройте рот» и «не двигайтесь». — Он почти улыбнулся. — С вами — по-другому.

Она смотрела на него. На его профиль — резкий, чуть угловатый, с тёмными кругами под глазами. На руки — хирургические, сильные, но какие-то... нежные. Почему-то ей захотелось коснуться их.

— Вы не спите? — спросила она.

— Я нейрохирург. Мы не спим. Мы существуем в другом измерении.

— И как там, в другом измерении?

— Там холодно. И много крови. Но иногда заходит человек с макетом сада и говорит, что жизнь продолжается.

Она улыбнулась. Он — тоже.

Они сидели так целый час — пили отвратительный кофе и говорили ни о чём. О том, что за окном холодно. О том, что в больнице всегда пахнет хлоркой. О том, что Шпрот — лучший кот в мире.

И в этом «ни о чём» было что-то важное.

Аня не заметила, как время пролетело. Она опоздала на встречу с клиентом. Но ей было всё равно.

Она не рассказала ему, почему ушла от Марата.

Но она думала об этом, когда шла по коридору после их встречи. Марат — её бывший жених, который мог дать ей всё: деньги, статус, безопасность. Но он не мог дать ей одного — свободы.

Она вспомнила тот день, когда решила уйти.

Это было за три дня до свадьбы. Она сидела в их общей квартире, в спальне, которая пахла его дорогим одеколоном. На столе лежали приглашения, меню, список гостей. Всё было идеально — как и он. Идеальный мужчина, идеальная свадьба, идеальная жизнь.

Аня смотрела на себя в зеркало и не узнавала себя. Она была в идеальном белом платье, с идеальной причёской, с идеальным макияжем. Идеальная кукла.

— Ты готова? — спросил он, входя в комнату.

— Да, — сказала она.

— Ты выглядишь прекрасно.

— Спасибо.

Он подошёл к ней, поцеловал в висок, и она почувствовала, как её тело напряглось. Не от страха — от ощущения, что она перестаёт быть собой. Она была его трофеем, его собственностью, его идеальной женщиной.

— Марат, — сказала она. — Я не могу.

— Что?

— Я не могу выйти за тебя замуж.

Он замер. Его лицо не изменилось. Оно осталось идеальным, как всё, что его окружало.

— Ты шутишь?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не хочу быть идеальной. Я хочу быть живой. А с тобой я — только картинка.

Она сняла платье, переделалась в джинсы, взяла Шпрота и ушла. Она не оглядывалась. Потому что если бы оглянулась — увидела бы его лицо, полное недоумения, и, возможно, передумала бы. Но она не оглянулась.

И сейчас, идя по коридору госпиталя, она поняла, что не жалеет. Даже несмотря на то, что Марат угрожал ей. Даже несмотря на то, что она осталась без денег и статуса.

— Ты выглядишь задумчивой, — раздался голос за спиной.

Она обернулась. Кирилл стоял в нескольких шагах, держа в руках два стаканчика кофе — уже нормального, не из автомата. Откуда-то с улицы, пахнущего свежестью.

— Я принёс нормальный, — сказал он. — Тебе нужен перерыв.

— Ты всегда такой... настойчивый?

— Только когда вижу, что человеку нужно.

Она взяла стаканчик, и их пальцы снова коснулись. Ей показалось, что воздух вокруг них нагрелся.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что.

Они стояли посреди коридора, и мимо них проходили медсёстры и санитары. Но Аня не замечала их. Она смотрела на него — на его усталые глаза, на его небрежную походку, на его странную, немного неуклюжую улыбку.

— Почему ты это делаешь? — спросила она.

— Что?

— Приносишь мне кофе. Сидишь со мной. Говоришь мне, что я не умею сдаваться.

Он помолчал. Потом сказал:

— Потому что ты — первая, кто посмотрел на меня не как на нейрохирурга. А как на человека.

— И какого человека ты увидел?

— Того, кто устал, но не сдаётся. Того, кто разбил твой макет и испугался, что ты никогда не простишь.

— Я не простила, — сказала она.

— Я знаю. Поэтому я буду носить тебе кофе, пока ты не простишь.

Она улыбнулась. Не сдерживаясь. По-настоящему.

— Ты странный, — сказала она.

— Ты тоже.

— Это комплимент?

— Это факт.

Она взяла у него стаканчик. Пахло свежестью и чем-то ещё — его присутствием, его теплотой.

— Завтра в это же время? — спросила она.

— Я буду здесь.

Он ушёл. Не оглядываясь. Но она заметила, что его походка стала чуть увереннее.

Той ночью Аня не спала.

Она лежала в кровати, смотрела в потолок и думала о нём. О его усталых глазах. О его руках. О его странной, неуклюжей улыбке.

Шпрот сидел на её подушке и смотрел на неё с укором.

— Ты что, влюбилась? — говорил его взгляд.

— Нет, — сказала Аня. — Я не влюбилась. Я просто... не могу перестать думать о нём.

Шпрот фыркнул. «Влюбилась», — подумал он.

— Это не любовь, — сказала она ему, как будто он мог ответить. — Это просто... симпатия. Интерес. Я хочу понять, почему он такой. Почему он работает в этой больнице, хотя мог бы быть в частной клинике. Почему он не спит по ночам. Почему он...

Она замолчала. Потому что поняла: она хочет понять его.

— Чёрт, — сказала она. — Кажется, я влюбилась.

Шпрот отвернулся. «Наконец-то», — подумал он.

На следующий день она снова пришла.

В семь утра. В тот же коридор. К тому же подоконнику.

Он уже был там — сидел, пил кофе и смотрел в окно.

— Я знал, что ты придёшь, — сказал он, не оборачиваясь.

— Откуда?

— Потому что ты не умеешь сдаваться.

— Это ты уже говорил.

— Я повторю, если нужно.

Она села рядом. Достала свой стаканчик — на этот раз она купила нормальный кофе в кофейне и принесла с собой.

— Я принесла свой, — сказала она.

— Я тоже купил, — сказал он.

— Тогда у нас два кофе.

— Значит, будем пить два.

Они сидели и пили. Молчали. Но тишина между ними была не неловкой — тёплой.

— Почему ты работаешь здесь? — спросила она наконец.

— Потому что здесь нужны врачи.

— А в частной клинике нужны больше?

— В частной клинике больше платят, — сказал он. — Но здесь больше жизни.

— Разве?

— Да. Здесь приходят те, у кого нет выбора. Те, кто не может позволить себе частную клинику. Они — настоящие. С ними нет фальши.

— А ты не устаёшь?

— Устаю. — Он повернулся к ней. — Я так устаю, что иногда мне кажется, что я разваливаюсь на куски. Но потом я вижу что-то, что меня держит.

— Что?

— Твой макет, — сказал он. — Идею, что можно посадить дерево там, где ничего не растёт. Это даёт мне надежду.

Она смотрела на него, и ей казалось, что сейчас она увидит его настоящего — не усталого врача, а человека, который умеет мечтать и не боится признаваться в этом.

— Ты странный, — сказала она снова.

— Ты уже говорила.

— Я повторю, если нужно.

Он улыбнулся. И она поняла, что эта улыбка теперь принадлежит ей.

Она вернулась домой в десятом часу вечера. Уставшая, но счастливая.

Шпрот встретил её у дверей, как всегда.

— Я снова видела его, — сказала она, снимая пальто.

Шпрот моргнул. «Я знаю», — говорил его взгляд.

— Мы пили кофе. Два часа. Говорили о всякой ерунде. А потом он сказал, что я даю ему надежду. Что я — его надежда.

Шпрот подошёл к ней и потёрся о её ногу. «Ты влюблена», — сказал он.

— Да, — призналась Аня. — Кажется, я влюблена.

Шпрот вздохнул и пошёл на кухню. «Наконец-то», — подумал он. — «А то я уж начал волноваться, что она так и останется одна».

Аня пошла за ним, налила ему паштет, а себе — чай.

— Как думаешь, у нас что-то получится? — спросила она кота.

Шпрот не ответил. Он был занят паштетом.

— Я знаю, что ты не умеешь говорить, — сказала она. — Но я верю в нас.

Шпрот поднял голову и посмотрел на неё. «Верь, — говорил его взгляд. — Но не забудь про паштет».

Аня засмеялась.

Глава 3. Три часа ночи. Двор, где ничего не растёт

Всё случилось в четверг.

Аня приехала в больницу в половине одиннадцатого вечера — доделывать светильники. Галина Борисовна разрешила их повесить только ночью, «чтобы не мешать процессу выздоровления». Что за процесс такой, от которого мешают светодиодные ленты в форме листьев, Галина Борисовна не объяснила.

Аня не спорила. Ей было проще работать ночью. Тишина. Никто не дышит в спину. И можно делать вид, что ты не думаешь о нейрохирурге, который каждое утро пьёт с тобой отвратительный кофе и каждое утро находит повод сказать что-то, от чего внутри всё переворачивается.

«Сегодня вы опять в этом свитере. Знаете, он вам идёт. Потому что вы в нём похожи на человека, который не боится испачкаться в земле».

— Дурак, — прошептала Аня, вкручивая лампочку в третий светильник. — Сказал бы прямо, что нравлюсь. Или нет. Лучше нет.

Кот Шпрот остался дома. Спал на её подушке, поджав лапы. Умный кот. Не ходит по больницам, не влюбляется в угрюмых хирургов, не вкручивает лампочки в одиннадцать ночи.

Она закончила с четвёртым светильником в половине первого. Двор преобразился: тёплый, мягкий свет стелился по дорожкам, выхватывая из темноты стволы будущих деревьев (которые главврач пока не одобрила), скамейку (ту самую, починенную) и странную тишину.

Обычно в больницах тишина давящая. А здесь — как будто двор вдохнул и задержал дыхание.

Аня села на скамейку, достала термос с чаем и просто смотрела на свет. Она любила этот момент — когда работа закончена, и можно просто быть. Не доказывать. Не спорить. Не влюбляться.

Последнее не получалось.

Кирилл. Его руки. Его молчание. То, как он однажды сказал: «Вы — как сорняк. Вас не вытравить, даже если очень хочется». И она тогда обиделась. А потом поняла, что это был комплимент. Самый честный в его жизни.

Аня закрыла глаза. Чай остывал. Где-то далеко, на верхних этажах, работала вентиляция — мерно, усыпляюще.

Она не слышала шагов. Не слышала ничего, пока рядом не скрипнула скамейка.

— Не спи, — сказал голос. Чужой. Сломанный. — Ещё рано.

Аня открыла глаза. Рядом сидел Кирилл — но не тот, которого она знала. Не тот, кто шутил про кофе и человеческие нервы. Другой.

Он был в операционной форме. Зелёной. С тёмными пятнами на рукавах — вода или что-то другое, Аня предпочла не думать. Волосы слиплись, лицо белое, как бумага. А глаза — те самые, с усталой лампочкой — теперь не мигали. Лампочка погасла.

— Кирилл? — тихо спросила она. — Что случилось?

Он не ответил. Смотрел прямо перед собой. На неё — нет. На светильники? На деревья, которых нет? На то, что осталось там, в операционной?

Аня замерла. Она видела таких людей. После аварий. После похорон. Когда внутри всё сломалось, а снаружи — целое. Самые страшные. Потому что за них не зацепиться.

— Мальчик, — сказал Кирилл голосом, в котором не было ничего. — Восемь лет. Велосипед. Грузовик.

Аня молчала. Потому что правильных слов нет. И никогда не было.

— Мы делали всё. Пять часов. Он был в сознании до последнего, понимаешь? Держал меня за руку и говорил: «Дядя, мне больно, но я потерплю». Он терпел. А я...

Голос дрогнул. Первый раз. За все их утренние кофе, за все колкости и разговоры ни о чём.

— Я нейрохирург, — прошептал Кирилл. — Я шью нервы толщиной с нитку. А спасти восьмилетнего мальчика не смог. Потому что... потому что... боже...

Он закрыл лицо руками.

Аня никогда не видела, чтобы мужчины плакали. Не по-настоящему. В кино — да. В книгах — пожалуйста. А так, вживую, чтобы плечи дрожали, а дыхание превращалось в короткие, хриплые всхлипы — никогда.

И она не знала, что делать.

Обнять? Сказать «всё будет хорошо»? Позвать кого-то?

Нет.

Она просто села ближе. Совсем близко — плечом к плечу. И накрыла его своей курткой. Той самой, старой, в дырках от клея и землёй.

Кирилл вздрогнул. Поднял голову. Посмотрел на неё — в первый раз за этот вечер.

— Не уходи, — сказал он. Тихо. Так тихо, что слова почти растворились в вентиляции.

— Я не уйду, — сказала Аня. — Я здесь. Я сажаю деревья там, где их быть не должно. Помнишь?

Он кивнул. Один раз.

— Тогда слушай, — Аня говорила медленно, как будто убаюкивала. — Этот двор будет жить. Я обещаю. Здесь будут деревья — высокие, шумные. И трава, по которой можно ходить босиком. И скамейки, на которых можно плакать. Я сделаю так, чтобы тот мальчик... чтобы все мальчики, которые здесь лежат, могли выглянуть в окно и увидеть не серую стену.

Кирилл молчал. Но его плечо перестало дрожать.

Они сидели так очень долго. Может, час. Может, три. Светильники горели, разгоняя темноту по углам. Кофейный автомат пискнул где-то в коридоре — кто-то не спал на дежурстве. А Аня всё сидела и держала его под курткой — не за руку, нет. Просто рядом.

В какой-то момент Кирилл выдохнул. Глубоко. Как ныряльщик, который наконец добрался до поверхности.

— Зачем ты здесь? — спросил он, не глядя. — В три часа ночи. В больнице. С идиотскими светильниками.

— Я архитектор, — сказала Аня. — Мне по долгу службы лезть туда, куда не просят.

Он повернул голову. Посмотрел на неё — долго, внимательно, по-другому. Не как на «девушку с веточками». Как на человека, который остался. Когда мог уйти. Когда все обычно уходят.

— Ты странная, — сказал он.

— А ты — злой. Но мы уже это выяснили.

Кирилл почти улыбнулся. Криво, неумело, как будто забыл, как это делается. Но почти.

— Завтра утром кофе? — спросил он.

— Ты серьёзно? Сейчас три часа ночи.

— Я серьёзно.

Аня посмотрела на светильники. На скамейку. На человека, который только что разбился на её глазах — и, кажется, начал склеивать себя обратно. Без клея. Без слов. Просто потому что она была рядом.

— Да, — сказала она. — Завтра утром кофе. Та же гадость.

— Я куплю нормальный, — сказал Кирилл. — Завтра. В первый и последний раз.

Они помолчали. Вентиляция затихла. Светильники мигнули — датчик движения отключил их на минуту.

В полной темноте Аня почувствовала, как его пальцы накрыли её ладонь. Легко. Почти невесомо. Спросить можно? Убрать руку? Сделать вид, что это случайно?

Она не убрала.

— Спасибо, что не говорила «всё будет хорошо», — прошептал Кирилл в темноте.

— Всё будет не хорошо, — ответила Аня. — Но будет по-другому. А по-другому — иногда лучше, чем хорошо.

Светильники зажглись снова. Кирилл убрал руку. Встал. Посмотрел на неё сверху вниз — усталый, сломанный, небритый, в пятнистой операционной форме.

Самый красивый человек, которого она когда-либо видела.

— До утра, — сказал он.

— До утра.

Он ушёл. Не оглядываясь.

Аня осталась сидеть на скамейке. Смотрела на опустевшее место рядом. Потом перевела взгляд на небо — над больницей оно было чёрным, без звёзд. Но ей казалось, что одна зажглась. Или не зажглась — просто перестала мигать.

Она достала телефон. Написала Юле: «Он держал меня за руку в темноте. Это много значит?»

Юля не спала. В два часа ночи она смотрела сериал и ела печенье.

«Девочка, это значит всё. Теперь ты в этом по уши. И он тоже. Поздравляю, у тебя любовь. Самая страшная — когда через боль».

Аня убрала телефон. Застегнула куртку — ту самую, которой накрыла Кирилла. Она пахла больницей, хлоркой и чуть-чуть — его одеколоном. Древесным, горьким.

Она вдохнула этот запах и поняла: обратной дороги нет.

Она не просто сажала деревья там, где их быть не должно. Она пускала корни там, где их быть не должно.

В трёх сантиметрах от чужого сердца.

Кирилл не мог спать.

Он сидел в ординаторской, смотрел на свои руки и не узнавал их. Эти руки спасали жизни. Эти руки держали скальпель, когда у него самого тряслись колени. Эти руки... эти руки не спасли восьмилетнего мальчика.

Он закрыл глаза — и снова увидел его. Серёжа. Маленький, светловолосый, с огромными синими глазами. Он смотрел на Кирилла и говорил: «Дядя, я потерплю. Вы только сделайте так, чтобы мама не плакала».

Кирилл тогда сказал: «Не плачь. Всё будет хорошо».

Он соврал.

— Прости, — прошептал он в пустоту. — Прости, Серёжа.

Тишина.

И в этой тишине он вдруг вспомнил, что есть кто-то ещё. Та, что сидела с ним на скамейке. Та, что накрыла его курткой. Та, что ничего не сказала.

«Я не уйду», — сказала она.

Почему она не ушла? Он был незнакомцем. Он разрушил её макет. Он был неловким, циничным и уставшим до предела. А она осталась.

Кирилл взял телефон. Нашёл её номер — она дала его на всякий случай, «если вдруг ты решишь починить скамейку». Написал:

«Ты спишь?»

Через минуту пришёл ответ:

«Нет. А ты?»

«Тоже нет. Спасибо».

«За что?»

«За то, что осталась».

«Я же сказала — я не уйду».

«Но ты могла».

«Могла. Но не ушла. Потому что сорняки не уходят».

Он улыбнулся в темноте.

«Завтра кофе», — написал он.

«Завтра кофе», — ответила она.

Он убрал телефон. Его руки перестали дрожать.

Аня не могла спать.

Она сидела на кухне, смотрела на телефон и перечитывала их переписку. «Я не уйду». «Спасибо». «Завтра кофе».

Она чувствовала, как внутри неё что-то меняется. Не любовь — пока нет. Но что-то похожее. Что-то, что нельзя назвать словами.

Шпрот пришёл и сел на её колени. Он смотрел на неё с укором — «Ты опять не спишь?»

— Я не могу, — сказала она. — У него умер пациент. Мальчик.

Шпрот насторожился. Он не понимал слов, но понимал её голос.

— Я сидела с ним, — сказала она. — Я не знала, что делать. Я просто села рядом.

Шпрот лизнул её руку.

— Он сказал, что я странная, — сказала она. — А я сказала, что он злой. Мы, наверное, идеальная пара.

Шпрот вздохнул и свернулся калачиком на её коленях. «Идеальная пара, — подумал он. — Если он будет приносить паштет, я согласен».

Аня посмотрела в окно. За ним была ночь — чёрная, беззвёздная. Но ей казалось, что вдали, где-то за горизонтом, уже занимается рассвет.

Утром она пришла в больницу в семь часов.

Он уже был там. Стоял у автомата, держал в руках два стаканчика нормального кофе и ждал.

— Ты пришёл рано, — сказала она.

— Я не уходил, — сказал он.

— Что?

— Я не уходил. Я ждал тебя.

Она подошла ближе. Взяла стаканчик. Её пальцы встретились с его пальцами — и она не отняла руку.

— Ты не спал всю ночь? — спросила она.

— Нет. Я думал.

— О чём?

— О тебе. О том, почему ты осталась. О том, почему я не могу перестать думать о тебе.

Она смотрела на него. На его усталые глаза, которые теперь не были пустыми — в них была какая-то искра. На его руки, которые сжимали стаканчик так, будто это единственное, что держит его на земле.

— Я тоже не могу перестать думать о тебе, — призналась она.

— Это плохо? — спросил он.

— Не знаю. Наверное, нет.

— Значит, мы будем думать друг о друге.

— Вместе?

— Вместе.

Они стояли посреди коридора, пили кофе и не говорили ни слова. Но в этой тишине было больше смысла, чем в тысяче слов.

Глава 4. Система не любит, когда её чинят

Галина Борисовна вызвала её в девять утра.

Не в приёмную. Не в переговорную. А в свой кабинет — туда, где пахло стерильностью, деньгами и правом решать. На стенах — дипломы и благодарственные письма от мэра. На столе — ни одной лишней бумажки. Женщина, которая не ошибалась. Женщина, которая не прощала.

Аня вошла без стука (дверь была открыта) и сразу поняла: это конец.

Главврач сидела за столом, сложив руки в замок. Рядом стоял заместитель — Игорь Семёнович, маленький, лысый, с лицом, которое всегда говорило «я не при чём». На экране ноутбука — стоп-кадр с камеры наблюдения. Внутренний двор. Три часа ночи. Два силуэта на скамейке.

— Анна Сергеевна, — голос Галины Борисовны звучал ровно, как кардиограмма здорового человека. — Вы знаете, во сколько разрешены ваши работы?

— Ночью, — сказала Аня. — Вы сами разрешили. Чтобы не мешать процессу выздоровления.

— Работы. Не свидания.

Аня промолчала. Потому что объяснять, что это не было свиданием, что человек на скамейке держался за жизнь, а не за её руку, что она просто сидела рядом — бесполезно. Такие, как Галина Борисовна, не слышат. Они выносят вердикты.

— Я вас нанимала как специалиста. Профессионала. Не как женщину, которая отвлекает моего лучшего хирурга от работы.

— Я не отвлекала. Я...

— Вы провели с Кириллом Андреевичем три часа ночью в рабочее время. Утром у него была операция. Сложная. Он вошёл в операционную с красными глазами и трясущимися руками.

Аня вздрогнула. Она не знала про операцию. Кирилл не сказал.

— Но он же... — начала она.

— Он справился. На этот раз. — Галина Борисовна подалась вперёд. В её глазах не было злости. Было что-то похуже. Уверенность. — Я не имею ничего против личных отношений. Но не в моей больнице. Не в рабочее время. Не с моими людьми.

— Вы увольняете меня с проекта?

— Проект закрыт. Двор будет озеленять муниципальная служба. Газон. Три куста. Скамейка.

Пластиковая. Невыгорающая. Мёртвая.

Аня почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Не скамейка — она была уже сломана и склеена. Что-то другое. Самое хрупкое. Надежда, что в этом мире ещё есть место для красоты. Для чего-то, что не приносит денег, но лечит.

— Вы не имеете права, — сказала Аня тихо.

— Имею. Это моя больница. И я не позволю превращать её в декорацию для ваших романов.

Аня хотела сказать, что это не роман. Что она не спала с ним. Что они только пили кофе и однажды держались за руки в темноте. Но слова застряли в горле.

Потому что это и правда выглядело как роман. Самый глупый. Самый непрофессиональный. Самый человеческий.

— Сдайте пропуск до обеда, — сказала Галина Борисовна и повернулась к ноутбуку. Разговор окончен.

Аня вышла в коридор. Встала у того же подоконника, где две недели назад впервые говорила с Кириллом. Теперь подоконник был пуст. Кофейный автомат пиликал в углу. Кто-то купил капучино и забыл забрать.

Она нажала на кнопку. Просто чтобы занять руки.

Кофе упал в стаканчик. Тот самый, ужасный, с привкусом картона и кислинкой.

— Привыкла к яду? — раздалось за спиной.

Аня обернулась. Кирилл стоял в трёх шагах. В халате, с закатанными рукавами. Под глазами — новые синяки. Но в них — не усталость. Беспокойство.

— Ты знаешь, — сказала Аня. Не спросила. Утвердила.

— Галина Борисовна уже позвонила заведующему отделением. Сказала, чтобы я держался от тебя подальше.

— И что ты ответил?

Кирилл подошёл ближе. Забрал у неё стаканчик, отхлебнул и поморщился.

— Сказал, что у меня есть право общаться с кем я хочу. В нерабочее время.

— А она сказала, что любое время в больнице — рабочее.

— Она много чего говорит, — Кирилл поставил стаканчик на подоконник. — Но это не значит, что она права.

Аня посмотрела на него. На его руки — те самые, которые шьют нервы. На лицо — то, которое два дня назад плакало в темноте. На человека, который не умел улыбаться, но научился оставаться.

— Меня уволили с проекта, — сказала она. — Двор сделают без меня. Газон. Три куста. Пластик.

Кирилл молчал. Долго. Так долго, что Аня уже решила — он скажет «мне жаль». Или «так будет лучше». Или вообще ничего не скажет, просто уйдёт в операционную и больше никогда не придёт на утренний кофе.

— Как называется твоя компания? — спросил он.

— Что?

— Компания, в которой ты работаешь. Как называется.

Аня назвала. Кирилл достал телефон, набрал что-то и убрал.

— Зачем тебе? — спросила она.

— Узнаю, сколько стоит тендер на этот двор. И найду способ.

— Какой способ? Галина Борисовна — главврач. Что ты можешь сделать?

Кирилл посмотрел на неё. Спокойно. Так, как смотрят на пациента, когда знают диагноз, но боятся говорить.

— В этой больнице лежит её мать, — сказал он. — Четвёртый этаж. Кардиология. Третий инфаркт. Ей нужно окно. Не пластик. Не газон. Настоящее окно с видом на что-то живое.

Аня замерла.

— Откуда ты знаешь? — прошептала она.

— Я нейрохирург. Я слушаю. Даже когда молчат. А Галина Борисовна молчит громче всех.

Он сделал шаг вперёд. Ещё один. Теперь они стояли так близко, что Аня чувствовала запах его халата — не хлорки, а чего-то другого. Сосновых иголок? Дождя? Его самого.

— Я не умею в красивые слова, — сказал Кирилл. — Я умею резать, шить и иногда — чинить скамейки. Но этот двор будет твоим. Я обещал.

— Ты никому ничего не обещал.

— Тебе обещал. Той ночью. Когда сказал «не уходи».

Аня сглотнула. Горло пересохло.

— Кирилл...

— Не надо. — Он поднял руку — и замер в паре сантиметров от её щеки. Не коснулся. Спросил глазами. — Если скажешь «мы не должны», я уйду. Если скажешь «это слишком сложно» — я пойму. Но если скажешь «давай попробуем», то я...

— Что — ты?

— Сделаю этот двор раем. Даже если меня уволят. Даже если Галина Борисовна подаст на меня в суд. Даже если весь мир скажет, что нейрохирург не должен копать в земле.

— А должен?

— Должен спасать жизни. Но иногда для этого нужно не скальпель, а дерево.

Он опустил руку. Не коснулся.

Аня выдохнула. Взяла его ладонь сама — ту, которая только что висела в воздухе. Сжала.

— Тогда давай попробуем, — сказала она. — Но предупреждаю: я плохо работаю в команде.

— А я — выполняю чужие приказы.

— Значит, поссоримся.

— Обязательно, — Кирилл почти улыбнулся. В этот раз получилось лучше. — Но потом помиримся. За кофе.

— За отвратительный кофе.

— За самый лучший отвратительный кофе в мире.

Они стояли посреди коридора. Медсестры шли мимо, но никто не смотрел. В больницах все свои. А чужая — уже перестала быть чужой.

Аня улыбнулась. В первый раз за этот день.

— Ты посадишь мне дерево? — спросила она.

— Какое?

— Сорняк, — сказала Аня. — Самый живучий. Который не вытравишь.

Кирилл кивнул.

— Договорились.

За его спиной, в конце коридора, открылась дверь. Вышла Галина Борисовна. Посмотрела на них. Ничего не сказала. Просто развернулась и ушла обратно.

Но Аня заметила: её плечи были не такими прямыми, как всегда.

Система не любила, когда её чинят. Но иногда — иногда она давала трещину.

Аня вернулась домой в шестом часу вечера.

Шпрот встретил её у дверей, но на этот раз он не просто сидел на коврикe — он смотрел на неё с тревогой. Коты чувствуют настроение хозяев лучше, чем люди.

— Меня уволили, Шпротик, — сказала она, снимая пальто. — Проект закрыт. Двор будет серым.

Шпрот подошёл к ней и потёрся о ногу. Он не понимал слов, но понимал, что она расстроена.

— Но есть один человек, — сказала Аня, проходя на кухню. — Он сказал, что мы попробуем. Что-то сделать.

Шпрот насторожился. «Человек? Тот самый нейрохирург?»

— Да, — сказала Аня, как будто кот задал вопрос вслух. — Он сказал, что мы посадим дерево. Даже если Галина Борисовна против.

Шпрот моргнул. «Он хороший человек, — подумал он. — Если он обещает посадить дерево, значит, он не врёт».

Аня села на пол, прислонившись спиной к холодильнику. Шпрот запрыгнул к ней на колени.

— Я не знаю, что будет дальше, — сказала она. — Но я хочу попробовать. С ним.

Шпрот начал мурчать. Это был его способ сказать: «Я с тобой».

Кирилл не мог сосредоточиться на работе.

Он сидел в ординаторской, смотрел на карту пациента и видел не линии и цифры, а её глаза. Когда она сказала «давай попробуем», у него внутри что-то перевернулось. Он не знал, что это — страх или надежда.

— Кирилл Андреевич, — сказала медсестра, заглядывая в дверь. — У вас приём.

— Иду.

Он встал, поправил халат и пошёл в кабинет. Но в голове была только она. Её голос. Её слова. Её рука в его руке.

«Я не умею в красивые слова», — сказал он себе. — «Но я умею делать. И я сделаю».

Он не знал, как именно. Но он знал, что должен.

Глава 5. Яблоня, которая не должна была выжить

Они сажали её в полпервого ночи.

Аня привезла саженец в багажнике — тот самый, который неделю держала на балконе. Карликовая яблоня. Сорт «Медуница». Сладкая, морозостойкая, с розовыми цветами. Та, которую Галина Борисовна никогда бы не одобрила. Слишком живая. Слишком пахнущая.

Кирилл ждал у служебного входа. В джинсах (впервые без халата), в старой флиске, с лопатой наперевес. Выглядел странно — не как нейрохирург, а как человек, который собирается делать что-то запрещённое. И которому это нравится.

— Ты что, лопату спёр из хозяйственного блока? — спросила Аня, выгружая саженец.

— Взял по согласованию с завхозом. Сказал, что для экспериментального проекта по кислородотерапии.

— Он поверил?

— Он пьёт. Поверил.

Аня рассмеялась. Тихо, чтобы не разбудить охрану. Кирилл посмотрел на неё — и не отвёл взгляд.

— Что? — спросила она.

— Ничего. Просто ты смеёшься редко. Я заметил. На утренних кофе — иногда. Но так, по-настоящему — в первый раз.

Аня смутилась. Воткнула лопату в землю — твёрдую, октябрьскую, неласковую.

— Помогай, хирург. Я здесь главный садовник.

— Слушаюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.